Галиб ГАСЫМОВ
доктор философии по искусствоведению

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ в потаенных глубинах цвета

Порой холст становится для живописца медиумом, перед которым слова бессильно смолкают, а иногда, напротив, краски обретают собственный красноречивый голос, вовлекая зрителя в длительный внутренний монолог. Таково и творчество заслуженного художника Азербайджана Фармана Самед оглы Гуламова (1945–2016). Вглядываясь в его полотна, созерцатель осознает, что перед ним не просто художественный артефакт, а масштабный философский текст о времени, пространстве и человеческой судьбе. Выходец из Астаринского района на субтропическом юге страны с его завораживающей природой, этот **мастер объединил традиции бакинской и**

Ф.Гуламов. «Песня»

Ф.Гуламов. «Мы записываемся в колхоз»

тбилисской художественных школ, возведя прочный мост между реалистическим академизмом советской эпохи и постмодернистскими исканиями. Мудрость старцев его родных мест, их притчи, верования, фольклор, вековые леса, побережье Каспия, подернутые туманом силуэты гор легли в основу его детских впечатлений, найдя глубокий отклик в зрелом творчестве.

С ранних лет проявив непреодолимую тягу к рисованию, Фарман Гуламов окончил Бакинское художественное училище имени Азима Азимзаде (1967) и Тбилисскую государственную академию художеств (1976). **Сочетание самобытного колоризма грузинской живописной школы с традициями азербайджанского искусства предопределила невероятную полихромию его палитры**. С 1973 года он участвовал в выставках, а в 1978 году вступил в Союз художников Азербайджана. Важной вехой стало третье место на Биеннале прикаспийских стран в Баку в 1986 году. В 1993–1994 годы с успехом прошли его персональные выставки в Баку, Пфуллендорфе (Германия) и Москве, а в 1994 году он удостоился премии «Хумай». С 2002 года — «заслуженный художник». Полотна мастера выставлялись в Женеве, Киеве и Москве (2007–2009), причем на

Ф.Гуламов. «Гости художника»

Ф.Гуламов. «Морская нефть»

III Московском фестивале искусств «Традиции и современность» в 2009 г. он был удостоен главной премии «Вера».

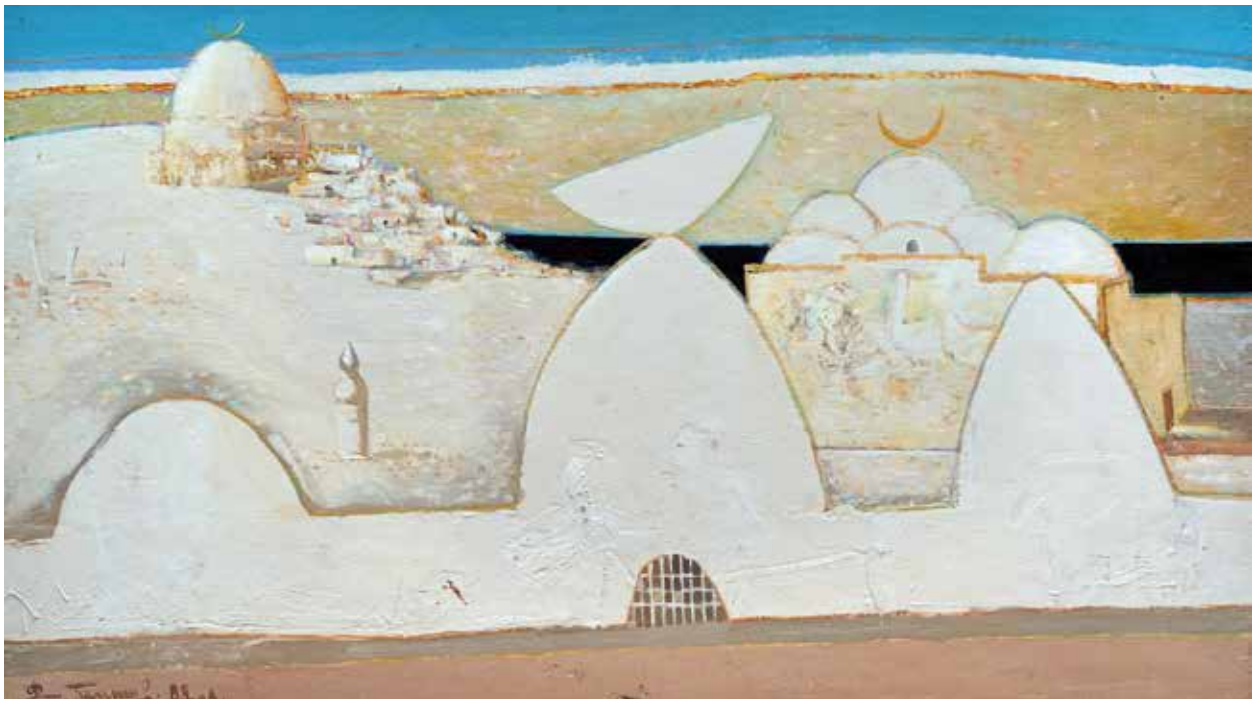
Произведения Фармана Гуламова хранятся в Государственной Третьяковской галерее, Государственном музее Востока в Москве, Азербайджанском национальном музее искусств, Азербайджанской государственной галерее, а также в частных коллекциях в США, Германии и Турции. **Особую известность принесли ему полотна «Утренний цветок», «Благодатные дороги»** (ГТГ), **«Композиция» и «Абстрактная мысль»** (АНМИ). Создание в 2000 году Азербайджанской государственной академии художеств открыло новые горизонты для его педагогической деятельности. С 2001 года и до конца дней он руководил мастерской станковой живописи, будучи доцентом кафедры. Наглядным свидетельством его опыта стало научно-методическое пособие «Роль рисунка в живописи», где мастер утверждал: постоянное совершенствование в рисунке есть фундамент профессионального роста.

Ф.Гуламов. «Пейзаж»

Личное знакомство с Фарманом Гуламовым позволило мне изнутри постичь его сокровенное кредо. Это был художник-мыслитель, который не оглушал зрителя манифестами, а тихо шептал ему экзистенциальные истины. Внутренний космос человека, его сакральное слияние с природой, духовное сближение Востока и Запада, философская неделимость времени и пространства составляют магистральные векторы его искусства.

Ф.Гуламов. «Доброе утро»

Живописец неустанно искал абстрактные, метафизические истины, скрытые за пеленой видимой реальности, стремясь обнаружить первозданный свет и доброту внутри жестокого подчас мира. Человек, постигающий смысл бытия, являлся для него высшей духовной субстанцией. В этом контексте дихотомия человека и природы кристаллизовалась в его искусстве как глубокая онтолого-философская проблема.

Эти напряженные внутренние искания со всей очевидностью проявились в полотне «Человек», где щемящая грусть и отрешенный, погруженный в себя взгляд персонажа определяют колоссальную эмоциональную суггестию произведения. Схожая психологическая нюансировка прослеживается в портретах «Женщина» и «Размышление». В картине «Город» дома, улицы и ракурсы сплавляются в обобщенный, символический урбанистический образ. В «Ренессансе» строгая архитектоника цвета приглашает зрителя к сотворчеству и диалогу, а в работе «Настроение» на первый план выходит не конкретное эмоциональное состояние, а сложнейший внутренний ландшафт духа, продиктованный вибрацией красочной материи.

Творчество этого самобытного мастера невозможно замкнуть в тесные границы одного направления, ибо и сам он категорически отвергал любые догматические рамки. **В его полотнах элементы реализма, кубизма, импрессионизма и абстрактного экспрессионизма органично переплавляются, рождая эклектичный, но поразительно целостный художественный универсум**. Это по праву делает его одним из ключевых провозвестников постмодернистских тенденций в азербайджанской живописи 1970–1980-х годов. Дистанцируясь от сковывающих советских идеологических канонов, Гуламов черпал вдохновение в национальном колорите.

Ф.Гуламов. «Вечер»

Ф.Гуламов. «Диалог»

Он стремился осмыслить различные черты своего искусства через призму мифологического мировосприятия и условно-схематических композиционных принципов восточной миниатюры, последовательно формируя уникальный пластический идиостиль. При таком подходе **в его наследии отчетливо выделяются два магистральных направления: жанр пейзажа, основанный на лирико-романтическом воспевании природы, и сюжетные композиции и портреты, где психология человека транслируется по-**

Ф.Гуламов. «Натюрморт в двух проекциях»

средством символико-философского языка. Однако эти два полюса не исключают друг друга — напротив, они синтезируются как взаимодополняющие ипостаси единого художественного мышления.

Пейзажный жанр мастера, черпающий лейтмотив в живописной природе Астаринского района, служит манифестом его привязанности к родной земле. Особенности южной природы отражены в цикле «Мой мотив», работах «Южный ветер», «Белый пейзаж» и «Зеленый пейзаж», суть которых художественная экспрессия лирико-философского переживания бытия. Пластика художника сформировалась на пересечении зоркости реализма, чуткости импрессионизма и формотворчества модернизма. Фотографическое копирование натуры никогда не было для него самоцелью. Французский философ Морис Мерло-Понти, анализируя творчество Сезанна, подметил, что пейзаж «мыслит себя» внутри художника, а сам живописец становится его сознанием (Maurice Merleau-Ponty, «Cézanne's Doubt», 1945). Эта максима — ключ к **методу Гуламова: он переносит на холст метафизический дух и душу природы, вызывая внутреннее напряжение, материализующееся на уровне фактуры**: плотные, пастозные мазки (impasto) превращают холст в скульптурную массу. Динамичная фактура фиксирует эмоциональный импульс творца, где баланс между спонтанностью и контролем становится критерием качества. Контуры подчеркиваются контрастными линиями, сообщая композиции экспрессивный драматизм.

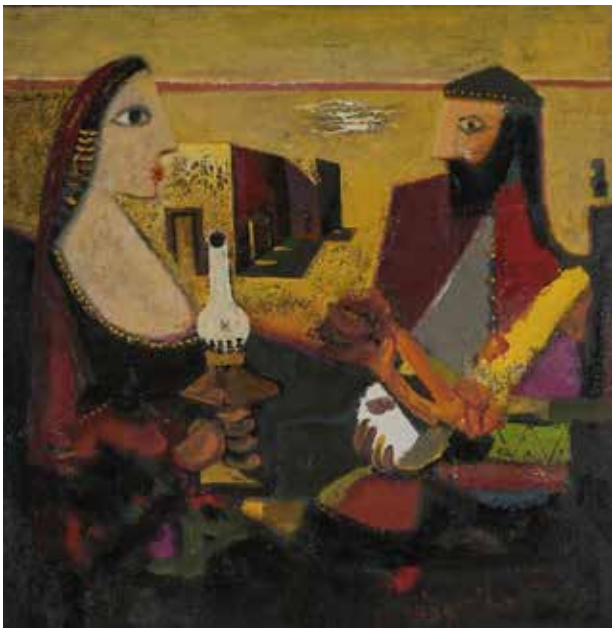
Географическое пространство для Фармана Гуламова — медиум для трансляции эзотерических смыслов. Историк Саймон Шама в труде «Ландшафт и память» (Simon Schama, «Landscape and Memory», 1995) отмечает, что ландшафт является актом работы разума, ткущимся из пластов памяти. Это позволяет интерпретировать образы земли, гор и неба в картинах художника как архетипические срезы памяти и жажды экзистенциального покоя. **Для автора ключевым оставался вопрос о том, какое чувство пейзаж пробуждает в зрителе. В этой связи человеческие фигуры в его ландшафтах отличаются от традиционного стаффажа. Если в классическом европейском пейзаже фигура человека служит лишь масштабирующим элементом, у Гуламова миниатюрность фи-**

гур акцентирует их нерасторжимое единство с мирозданием, подчеркивая гуманистическую позицию автора. Пиетет перед человеком, свойственный портретам мастера, гармонично проецируется на его пейзажный жанр.

В тектонике своих произведений Гуламов отдает предпочтение многоплановым, пространственно-глубинным композиционным структурам: передний план формируется широкими цветовыми плоскостями или архитектурными объемами, средний — дорогами и мелкими фигурами, а дальний — величественными горными грядами и открытым небесным куполом. Горизонтальные доминанты привносят в полотна ощущение тектонической стабильности, вертикальные элементы устремляют вектор зрительского восприятия к горнему миру, а сходящиеся к центру перспективные линии увлекают взгляд в саму мистическую глубину холста. Колористическая палитра Гуламова невероятно богата и несет в себе мощный эмоционально-психологический заряд. Наряду с природными зелеными, охристыми и земляными тонами, он активно вводит фиолетовые, розовые и бирюзовые нюансы, что придает ландшафтам поэтическое, порой откровенно мистическое звучание. Василий Кандинский в своем программном трактате «О духовном в искусстве» (Wassily Kandinsky, «Concerning the Spiritual in Art», 1911) отмечал, что цвет оказывает прямое воздействие на душу человека. В работах Гуламова свет наделен именно такой сакральной функцией: это не физическое явление, исходящее от конкретного источника, а имманентная, божественная энергия, изнутри озаряющая все сущее.

Выполненные в технике масляной живописи пейзажи начала 1990-х годов, такие как «Паломничество», «Дома», «Утро», «Море», «Ленкаран» и «Пейзаж», служат лаконичным воплощением этих художественных констант. К примеру, в полотне «Вечер» (1990) слева высятся силуэты деревьев, а композиционный центр отдан пастбищу, решенному в глубоких темно-зеленых тонах. Белесые камни и световые блики на поверхности земли, диагонали дорог и меж связывают передний и задний планы в единое целое. На горизонте горная гряда, написанная в изысканной коричнево-фиолетовой гамме, увенчана бирюзово-зеленым небом. Сталкивая глубокий зеленый цвет с коричнево-красной землей, художник сообщает природе таинственность, сакральность; **тончайшие**

Ф.Гуламов. «Ночь и день»

нюансы света, тени и колористических переходов усиливают ощущение абсолютной целостности бытия. Картина же «Доброе утро» демонстрирует совершенно иной стилистический вектор: здесь природа деконструирована и явлена через призму кубизма. Общим знаменателем пейзажного наследия Гуламова является то, что его работы, с одной стороны, выступают преемниками классической традиции, а с другой

Ф.Гуламов. «Портрет»

Ф.Гуламов. «Город»

благодаря фактурной свободе и эмоциональной автономии чистого цвета переводят эту традицию на язык современного модернистского мироощущения.

Фарман Гуламов – художник, которому присущ невероятно широкий творческий диапазон. Созданные им портретные работы раскрывают иные грани его философских поисков. **Каждое его полотно — это эстетическое исследование, направленное на постижение подлинной сущности человека**: предмет, фигура и пространство, проходя сквозь горнило его живописного сознания, обретают новые символические коннотации. Мозаичное, расколотое сознание модернистского мира отчуждает человека от его собственного «Я», искусство же в концепции Гуламова выступает тем спасительным медиумом, который возвращает личность к ее первозданной сути. Ответ на эти ментальные вопросы наглядно иллюстрирует монументальный портрет «Джаладдин Руми» (130х60 см), посвященный великому мыслителю исламского Востока, столпу суфизма и философии вахдат аль-вуджуд (пантеизма). Дистанцируясь от классической портретной традиции, картина не ставит целью зафиксировать лишь внешнее сходство этой исторической личности. Живописец формулирует иную задачу — создать суггестивный, символический и экспрессивный образ, транслирующий саму суть философии Руми. Главная цель здесь - ответить на вопрос: какой духовной величиной был Руми, если перевести его суть на язык красок?

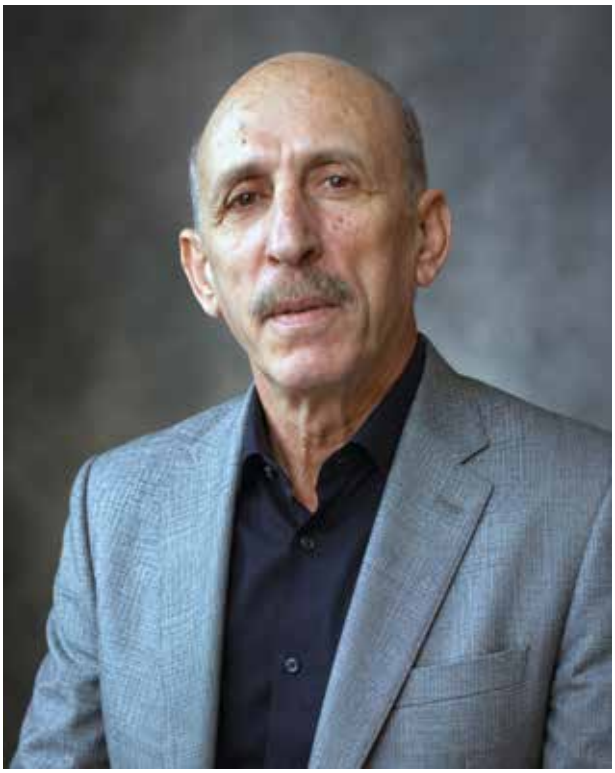
Ф.Гуламов. «Добро и зло»

Интенсивное использование оранжевого, желтого, красного, синего и зеленого цветов сообщает произведению мистический характер. Пылающий оранжево-желтый фон рождает иллюзию божественного света. В противовес этому, в правой части холста сгущается плотная темная зона, создавая контраст и транслируя символическое противостояние духа и материи. Синие и фиолетовые тона в одеянии Руми выступают мостом между этими полюсами. Композиционным стерж-

нем полотна служит вертикальная фигура – таким путем подчеркивается монументальность образа. Удлинение пропорций тела и деформация анатомических объемов свидетельствуют о **разрыве с реалистическим каноном ради экспрессивной передачи внутреннего космоса мыслителя**. Голова изображена в профиль, а взгляд устремлен мимо зрителя, что указывает на обращенность в сакральное пространство. Черты лица резки; линии работают на выявление психологического архетипа. Ключевым иконографическим атрибутом становится ней (тростниковая флейта) в руках Руми. Ней здесь — центральная метафора суфизма, символизирующая тоску души по божественному первоисточнику и желание вернуться к Нему. **В структуре полотна считывается цепочка: Руми — ней — музыка — любовь — божественная истина**. Эту линию продолжает экспрессивно-символический язык, хранящий имманентную правду духа. В работах «Паломники», «Тайна ночи», «Женский портрет», «Человек, любящий цвета», «Добро и зло», «Фобия», «День и ночь» художник опускается в бездны человеческой психики, транслируя философский взгляд на экзистенциальные проблемы эпохи.

Полотно «Диалог» (2015), созданное за год до кончины мастера, является вершиной позднего периода его творчества. Расположенные визави две фигуры и их безмолвное ментальное взаимодействие составляют идейно-эмоциональный центр картины. Профильный ракурс привносит в полотно атмосферу герметичного диалога. Плотная черная зона в центре композиции разделяет фигуры и нагнетает психологический драматизм. Одеяния и черты лиц решены на основе условности и экспрессии. И хотя доминантную колористическую структуру формируют монохромные тона, контрастные оранжевые, красные и синие акценты привносят в композицию пульсирующий динамизм. Золотисто-желтые орнаменты на одеждах женской фигуры и переливы зелено-красных оттенков усиливают декоративный характер образов. **Цвет выступает художественным инструментом, дешифрующим характеры и внутреннее состояние героев**. Изломанные контурные линии, свободная манера письма и сложнофактурная поверхность холста доводят экспрессию до абсолюта. Деформация анатомической структуры фигур свидетельствует о том, что фокус автора был смещен со внешнего мимесиса на раскрытие внутреннего мира. Элементы одежды и орнаменты указывают на связь персонажей с национальной культурой, однако точная идентификация завуалирована и открывается лишь сквозь призму названия картины.

Фарман Гуламов

В своей тотальности искусство Фармана Гуламова синтезирует реалистическую традицию и абстрактные поиски, представляя самобытную вселенную. Оглушительное безмолвие пейзажей, драматизм портретов и глубина композиций делают его наследие уникальным феноменом, устремленным в будущее.

Based on a characterization of individual landscape and portrait works, the article describes the creative work of Farman Gulamov, a prominent representative of Azerbaijani painting of the latter half of the 20th century and late 21st century. It is noted that the main distinctive feature of the artist's work lies in his striving to penetrate into the deeper meaning of the objects depicted, whether a person with his inner world or nature, while the external aspect was of secondary importance to him. At the same time, the artist followed his own path in his creative work, not fitting into the framework of any particular movements or styles.